

Поль Альтер

Отвратительный снеговик

Возвращаясь мысленно в прошлое и обдумывая случившееся, Ирвинг Фаррелл склонен был не верить даже собственным глазам. Единственное, в чем он был убежден, это во времени: носилки показались из соседнего узкого переулка около одиннадцати часов вечера. Он не только сам одиннадцать раз услышал бой часов на соседней церкви, это подтвердили и несколько свидетелей. Что до всего остального... вообразил ли он все это? Испытал ли одно из таинственных предчувствий? Или просто слишком много употребил алкогольных напитков, щедро предложенных хозяевами? Но даже это едва ли объясняет подобное совпадение.

Ирвинг Фаррелл, маленький пожилой джентльмен, известный своими способностями к дедукции, всегда настаивал, что всему есть свое объяснение. С ним часто советовались по поводу той или иной как будто необъяснимой тайны, неизбежно им раскрываемой. Случившееся в Лондоне зимой 1929 года служит ярким примером его способностей, за исключением досадного и доселе не разрешенного вопроса времени...

Эти необычайные события случились в сочельник. Ночь выдалась очень холодной. Около десяти он ушел, чтобы направиться на другую встречу. Старый друг, с которым он столкнулся случайно предыдущим вечером, пригласил его совместно провести полуночную службу. Объясняя кратчайший путь к своему дому, он, разумеется, утверждал, что отыскать его очень легко.

«Только представь себе, что бы было, будь это сложно», — сказал сам себе не без иронии Фаррелл, пробродив более часа по пустынным, заснеженным улицам мирного района к северу от Блумсбери. Усталый и утомленный, он отчетливо ощущал, что как будто ходит кругами, и был уже готов сдаться перед лицом унылой перспективы бесконечных рядов одинаковых, построенных стенка к стенке домов с почти одинаковыми входными дверями, железными перилами и заснеженными дымовыми трубами.

Но за ярко освещенными окнами мрак на его душе не отражался. Там была лишь радость. Перед как следует нагруженными разносолами столами, в благосклонном присутствии рождественских елей, украшенных бумажными гирляндами и свечами, люди смеялись, пели и даже танцевали под звуки старого фортепиано или скрипки.

Только что пробило одиннадцать. Исследовав очередной тупик, Фаррелл всерьез подумывал о возвращении домой, когда в мрачном свете уличного фонаря заметил двух сотрудников скорой помощи, выходящих из переулка с носилками. Он был удивлен, что не услышал их приближение, но объяснил это шумом празднеств. Их серые тени, пока они медленно и методично продвигались к машине, выделялись на ослепительной белизне снега. Сзади, как будто в похоронной процессии, шел констебль в униформе. Эта сцена удивила его, поскольку едва ли он встретил хоть кого-то за предыдущий час. Комок встал у него в горле, когда он понял, что лицо лежащего на носилках прикрыто. Под краем покрывала он мог различить ботинки и рассудить, что тело принадлежит мужчине. Несчастный случай в сочельник? Какая трагедия.

Пока носильщики помещали свой груз в машину, ему удалось поинтересоваться у полицейского:

— Старый бродяга замерз?

— Не бродяга и не старый, — ответил тот, медленно покачав головой. — Не больше пятидесяти, и прекрасно одетый. Мы до сих пор не знаем причину смерти. Куча местных жителей видела его, проходя мимо. Он валялся на углу в конце улицы и как будто просто крепко спал.

— Все это так печально.

— Да, упокой, Господи, его душу. Ну, доброй ночи, сэр.

И с этими словами констебль сел в машину, тут же уехавшую, оставив Ирвинга Фаррелла посреди улицы в одиночестве и по непонятной причине слегка озадаченного. Что-то казалось ему странным,

но что именно, понять он не мог. Он постоял, глядя на узкую улочку, затем двинулся по ней; в конце концов, это вполне могло быть то самое место, где жил его друг, так и сказавший — внизу справа.

Слева от него была длинная высокая стена безо всяких проемов. Справа стояли четыре респектабельных домика, и лишь в первых трех в окнах горел свет. Кончалась улочка глухой стеной. «Должно быть, где-то здесь и нашли беднягу», — подумал Фаррелл, остановившись рядом с последним домом, полностью окутанным тьмой. Он чиркнул спичкой, наклонился, чтобы взглянуть на имя на дверном звонке и глубоко вздохнул. Все еще не тот адрес. Он чуть не подскочил, когда из темноты сзади раздался голос:

— Добрый вечер, сэр. Вы кого-нибудь ищете?

Он быстро обернулся. Перед ним стоял мужчина среднего роста, без шляпы и в пальто с каракулевым воротником. На лице виднелись усики, словно нарисованные карандашом, и, насколько можно было разглядеть в темноте, лицо это выглядело приятным.

Но откуда он, черт возьми, взялся? Фаррелл был уверен, что по улице мимо него никто не проходил. Разве что он уже стоял в темном конце улицы, но тогда что же он делал там один во мраке?

— Да, но, похоже, у меня неправильный адрес, — ответил Фаррелл, не сводя глаз с незнакомца. — Но скажите, сэр, кто был тот несчастный, которого только что увезли?

— Прошу прощения? — с явным удивлением воскликнул незнакомец.

— Да тот парень, который скончался, и его вынесли отсюда пять минут назад. Должно быть, лежал где-то здесь, когда его нашли.

— Я был бы очень удивлен этим, потому что уже давно здесь и никого не видел. Ни единой души.

— Но, возможно, это было выше, ближе к дороге?

— Нет, я бы тоже увидел. Вы, должно быть, ошиблись, сэр.

Поначалу Фаррелл намеревался решительно возразить, но спокойная уверенность незнакомца заставила его передумать. Он начал задаваться вопросом, не была ли эта странная похоронная процессия всего лишь плодом его воображения, порожденным усталостью от долгих и бесплодных блужданий по холоду? Кроме того, инстинкт, подводивший его крайне редко, подсказывал ему: что-то не так.

— Да, должно быть, я ошибся, — признал он. — Ошибался, если на то пошло, всю ночь, и все из-за этих домов, которые выглядят так одинаково. Я ищу своего друга, которого, как мне показалось, только что разыскал на соседней улице — в таком же доме, как вот тот, в самом конце.

— Да, понимаю, — согласился незнакомец. — Именно там жили Уилсоны. Но в ту ночь их не было дома.

— В какую ночь?

— В сочельник десять лет назад. Ужасная ночь из-за страшного события, случившегося прямо здесь, где мы стоим.

Этот человек повернулся и рукой в перчатке указал на тьму в конце улицы.

— Именно здесь произошла трагедия. Жертву нашли у самой стены, зверски убитой.

— Так тело было! — содрогнувшись, проговорил Ирвинг Фаррелл.

— Да, вне всякого сомнения.

— И тело увезли на скорой помощи?

— Естественно, как и все тела. Но это было десять лет назад, дорогой сэр.

На мгновение Фаррелл застыл, как статуя. Его глаза постепенно привыкли к полутьме. Окна первых домов теперь освещали самые темные части тупика, в котором не было ничего примечательного: банальное зрелище коричневой стены, вздымающейся посреди снежного покрова. И все же оставалось неопределенное ощущение чего-то нереального, быть может, из-за присутствия этого странного человека или же из-за призрачной горсти снежинок, кружащейся в полумраке.

— Так это была галлюцинация, или, возможно, я видел призраков?

Незнакомец стоял и смотрел на место преступления, по-видимому, не слыша вопроса. В отличие от Фаррелла, дрожавшего даже в толстом пальто, он, казалось, не обращал внимания на холод. После долгого молчания мужчина мрачно проговорил:

— Ральфа судили и повесили за это преступление, но я знаю, что он не совершал его. Он утверждал, что невиновен, до самой смерти. Я приезжаю сюда каждый год в надежде, что кто-нибудь приоткроет завесу тайны.

— Тайны убийства?

— Да. Ведь все указывало на то, что это дело рук призрака. Исходя из всех улик, преступление мог совершить только Ральф. И это решило его судьбу, ведь казалось невозможным представить, что любой другой человек, независимо от своей изобретательности, мог физически совершить это преступление.

— Даже если так, вы не полностью исключаете эту возможность, я не ошибаюсь?

— Увы, пока загадка не решена!

— Знаете, даже самые охраняемые тайны рано или поздно раскрываются.

Мужчина в пальто выглядел удивленным и заинтересованным.

— Вы, кажется, очень уверены в себе, сэр. На каком основании, могу я спросить?

— У всего всегда есть объяснение.

В глазах незнакомца вспыхнул вызов.

— Тогда, если у вас есть время, я рад буду описать вам эту проблему. Не могу поверить, что вы ее решите, но, сделав это, вы окажете мне великую услугу.

Морщинистое лицо Ирвинга Фаррелла расплылось в озорной улыбке:

— На самом деле времени у меня сейчас сколько угодно, я потерял всякую надежду отыскать сегодня своего друга. — Он потер руки и энергично подул на них. — Предпочел бы сделать это перед пылающим очагом, но начинайте, я слушаю.

Медленно оглядев тихий дом, незнакомец приступил к рассказу:

— Начнем с самого начала. Не знаю, кто живет в этом доме сейчас, но это и неважно. В доме как будто живет дух печали, словно на него навели порчу события прошлых лет. Но когда-то он был полон удовлетворенности и благополучия. Там жило семейство Грейвсов. Джон Грейвс был серьезным человеком, чиновником, преданным своей службе правительству не меньше, чем семье. И жена его, миссис Эстер Грейвс, также была безупречна во всех отношениях. У них было трое детей: два сына, Фред и Хью, оба чуть за двадцать, и родившаяся последней Джессика, застенчивая, но приятная девочка, только и любившая, что запирается у себя в комнате с куклами. Все шло неплохо до начала 1914 года. Незадолго до того оба брата познакомились с некоей Мод Фолкнер, не испытывавшей недостатка в поклонниках, и оба безумно в нее влюбились. С лицом в форме сердечка, мальчишеской стрижкой и блестящими темными глазами она была поистине восхитительным созданием. Фред, красивый, светловолосый, отличный рассказчик, был куда более открыт, чем его довольно сдержанный брат. Хью, высокий, темноволосый, с проникновенными глазами, обладал более романтическим характером. Казалось, старший — старше всего на год — брат его затмил, но именно Хью покорила сердце Мод, и перед самой войной они поженились. Все трое мужчин из семьи Грейвсов отправились на передовую, и выжил лишь один. Джон погиб при бомбежке, а Хью, сражавшийся с братом под Ипром плечо к плечу, был смертельно ранен в ходе немецкого наступления. Так что в 1918 году вернулся с войны один Фред. Его присутствие было большим утешением для матери, которая так и не смогла пережить гибель мужа и младшего сына. Мод казалась потрясенной известием о смерти своего юного супруга, но ее молодость и непродолжительность брака ускорили выздоровление, чему в немалой степени способствовало внимание, оказанное выжившим. Способствовало настолько, что меньше чем через год они с Фредом задумались о помолвке. В некоторой степени это было утешением для всех, включая миссис Грейвс, привыкшей уже к присутствию этой девушки в их доме. У Мод был старший брат, Джерри, также участник войны. По возвращении с бельгийского фронта он находился в некоторой растерянности относительно своего будущего, потеряв за время своего отсутствия обоих родителей. Поэтому он принял предложение миссис Грейвс пожить с ними, пока не поправит здоровье и не отыщет работу. С войны он привез ужасный сувенир — кусок шрапнели, засевший в голове слишком глубоко, чтобы его можно было извлечь. Он страдал от частых и жестоких приступов мигрени, из-за чего не мог устроиться на постоянную работу, например инженером-строителем, как до войны. Тем не менее, он был обаятельным парнем, немного напоминавшим Хью, только постарше. Он редко выходил на улицу и проводил большую часть времени за чтением, если мигрень это позволяла.

Также надо рассказать вам о Вэнсах, отце и сыне. Капитан Чарльз Вэнс, давний друг покойного Джона Грейвса, был крестным отцом Хью. Он также вернулся с войны раненым и навеки хромым. Довольно-таки грубый, он не лишен был головы на плечах, и ему можно было полностью доверять. После смерти старого друга Чарльз взял на себя заботу о его семье и часто наведывался проверить, все ли в порядке. Его никогда не видели вне общества сына, Бэзила, искусного молодого хирурга, выказывавшего немалый интерес к столь же молодой миссис Грейвс, несмотря на свое вдовство, прекрасной, как всегда. Бэзил был джентльменом безупречных манер и восхитительным парнем, которого все ценили. Ему, как и Джерри, было за тридцать, и, думаю, Мод поддалась бы его чарам, если бы не присутствие Фреда, настойчиво ее преследовавшего. Фред тогда был простым продавцом пишущих машинок и, несомненно, интересовался состоянием Мод, унаследованным от родителей, в качестве финансовой основы в реализации его амбициозных планов. Теперь позвольте перейти к первому странному происшествию, случившемуся за месяц до того ужасного события, в ноябре 1919 года.

Однажды ночью Мод внезапно проснулась от жуткого кошмара. Ей привиделся Хью, призрак в солдатской форме. Он размахивал винтовкой со штыком и взывал о мести, настойчиво приближаясь к ней. Фред пытался ее успокоить: это был просто кошмар, какой, должно быть, переживали многие молодые вдовы в ее положении. В тот момент это было вполне резонно, но позже люди припомнят этот страшный сон.

В тот год зима выдалась суровой. Часто случались сильные снегопады. Джессика, в душе, несмотря на свои почти пятнадцать лет, оставшаяся ребенком, обожала возиться в снегу. В конце этого тупика она построила огромного снеговика и очень этим гордилась. Она строго приказала, чтобы никто не подходил к нему, и этот приказ стал сразу соблюдаться всеми. Но, как бы подчеркивая предупреждение, Джессика сочла нужным украсить свою работу шлемом и курткой покойного брата, возвращенными из армии с личными вещами покойного. Кроме того, в изгиб руки снеговика она вставила штык, и, хотя днем это выглядело просто гротескно, с наступлением темноты казалось зловещим и угрожающим. Каска и штык, несомненно, вызывали у обитателей дома сильные чувства. Миссис Грейвс все это не понравилось. Поначалу она вознамерилась уничтожить снеговика, но, столкнувшись с потоками слез Джессики, уступила. Фред также немало разгневался, но Джессике удалось успокоить и его. Обычно тихая, она становилась сущей тигрицей, если ее маленькому миру, будь то куклы или другие личные вещи, что-то угрожало. В довершение ко всему она зашла так далеко, что назвала своего снеговика «Хью».

Все мной описанное случилось в начале той роковой недели и затронуло всю семью. Например, вечером после появления «Хью» Мод испытала сильный шок, входя в дом: она была уверена, что видела, как снеговик пошевелился. Конечно, это было всего лишь плодом ее воображения... по крайней мере, я так думаю.

За три дня до Рождества Мод, Фред, Джерри и доктор Бэзил Вэнс отправились в город на вечеринку, устроенную друзьями. Это важно, поскольку именно там они повстречали Ральфа Питерсона, молодого и богатого фермера с севера страны, знавшего братьев Грейвсов во время войны, собственно, сражавшегося рядом с ними. Его томная протяжная речь, завитые усы и слегка косящие глаза за очками в серебряной оправе не позволяли его не заметить, к тому же он был раскованным завсегдатаем вечеринок. Он сразу атаковал Мод, развеселив этим Фреда, еще не сообщавшего о планах помолвки и явно не считавшего Ральфа опасным соперником. Напротив, неуклюжие усилия старого товарища по оружию рассмешили его до слез. Сама Мод присоединилась к веселью, флиртуя с Питерсоном и притворяясь очарованной его новым цветастым нарядом.

— У вас самый блистательный костюм на этой вечеринке, — воскликнула она, залпом осушив бокал шампанского. — Где вы его отыскали?

— Конечно, в городе. Собственно, сегодня утром. «Пемпер и Бойл» на Риджентс-стрит. Маленькая птичка прочитала мне, что сегодня вечером я встречу с кем-то необыкновенным.

— И туфли у вас тоже необыкновенные.

— Необыкновенные — и необыкновенно большие! — лукаво проговорил Фред.

— Двенадцатый размер. Купил их там же, если хотите знать.

— И, держу пари, эту... м-м-м... потрясающую рубашку...

— Совершенно верно. Больше нигде и не покупайте. Если я вижу что-то, что мне нравится, я просто это покупаю. Какой смысл терять время?

— О? — проговорила Мод. — А я вам нравлюсь?

— О, еще бы. Даже очень, честно говоря.

— И что вы готовы уплатить?

— Все золото мира, милая.

— Все это даст вам некое представление о духе вечеринки, которым проникались всего его участники, — продолжал незнакомец. — Но затем Ральф сделал поразительное замечание. Пока Фред танцевал с Мод, Ральф, сидевший в баре с Бэзиллом и Джерри и окончательно развеселившейся, оказал остальным доверие.

— Да, я очень хорошо знал братьев Грейвсов, особенно Хью, который застрелился, бедняга. Между прочим, вы знаете, что некоторые ребята говорили о нем? Немного неуместно это рассказывать, особенно когда ни в чем не уверен. Но, с другой стороны, вряд ли можно молчать, потому что... Ну, ладно! Поговаривали, что его поразила не немецкая пуля.

— Что вы имеете в виду? — спросил Бэзил.

— Откровенно говоря, старина, ничего, — отвечал Питерсон, мечтательно разглядывая танцующих Фреда и Мод. — Просто говорю вам, что в то время болтали некоторые его товарищи.

Незнакомец помолчал, словно подчеркивая только что произнесенные слова. Прервал молчание Ирвинг Фаррелл:

— Хм-м-м. Это тонко завуалированное обвинение. Если пуля действительно не была немецкой, то речь идет об убийстве. И здесь виновник очевиден: Фред, использовавший возможность устранить соперника, брата, забравшего женщину, которую он любил и которая теперь могла принадлежать ему. Да, теперь кошмар Мод более понятен.

— Именно. Должен сказать вам, что и до слов Питерсона слухи ходили, но вполне неопределенные; люди сочли это безосновательным разжиганием скандала. Но теперь, после рассказа из первых рук, все было иначе. Хотя в доме Грейвса никто про это не говорил. Можно было бы предположить, что так получилось потому, что они просто не знали, а Джерри с Бэзиллом проявили тактичность. Но это было далеко не так. Джерри, вероятно, рассказал сестре, а Бэзил своему отцу, поскольку все это постепенно достигло ушей Фреда, который буквально покатился от хохота. Возможно, чтобы доказать свою беспристрастность и, следовательно, невиновность, он решил пригласить Ральфа зайти после обеда в тот роковой сочельник. А теперь мы подошли к трагическому моменту...

Снег шел весь день, пока не стемнело, и улица была покрыта толстым снежным ковром. Семья Грейвсов и их гости, капитан Вэнс и его сын Бэзил, только что закончили, около девяти вечера, трапезу, когда произошел первый странный инцидент. Сгорел предохранитель, и холл, коридор и кухня погрузились во мрак. Запасного предохранителя не было, и семья была готова оставить это до следующего дня, но капитан Вэнс, уверенный, что в его доме на соседней Рассел-сквер есть несколько штук, настоял на том, что заберет их, несмотря на хромоту и протесты друзей. «Небольшое упражнение после такого банкета пойдет мне только на пользу», — сказал он, уходя примерно в половине десятого. На «Хью», снеговика, все еще стоявшего в конце тупика абсурдным неподвижным стражем с бесполезным шлемом и штыком, он не обращал ни малейшего внимания. Равно как и Ральф, прибывший в дом Грейвсов в четверть одиннадцатого. Джерри ответил на звонок в дверь и попросил Питерсона подождать в гостиной, поскольку Фреда нигде не было видно. «Должно быть, он наверху, наверное, в спальне», — проговорил Джерри, уже выходя и оставляя посетителя в одиночестве.

Здесь мне нужно описать планировку дома и предположительное местонахождение каждого в тот момент. Входя через парадную дверь, которая виднеется вон там, вы попадаете в небольшой холл, раскрывающийся в длинный коридор слева от вас, идущий параллельно улице. Из него можно попасть во все комнаты первого этажа. Итак, со стороны улицы находятся, соответственно, столовая, библиотека и гостиная, где попросили подождать Ральфа. Это самое дальнее окно отсюда и самое близкое к тупику, так что оно выходило как раз на то место, где стоял снеговик. Доктор Вэнс оставался

в столовой выкурить сигару. Миссис Грейвс была в кухне, напротив через коридор. Отпустив горничную еще в начале вечера, она сама в свете канделябра варила кофе. Она слышала, как пришел Петерсон, и мельком заметила, как тот разговаривает с Джерри. Мод искала в библиотеке книгу, чтобы исследовать один вопрос о южноафриканских племенах, возникший в ходе дискуссии с Бэзиллом. Лестница в холле вела на второй этаж, устроенный подобно нижнему. Похоже, там были только двое: Джессика, вернувшаяся к своим куклам, и Джерри, объявивший, что идет наверх искать Фреда. По словам самого Питерсона, он только что уселся в гостиной, слушая тихий звон музыкальной шкатулки, как услышал снаружи крики. Подойдя к окну, он к удивлению своему увидел на улице Фреда, сражающегося со странным противником — ни кем иным, как снеговиком! Тот в бешеной ярости, со свирепостью солдата посреди жаркого боя обрушивал на несчастного Фреда смертельные удары штыка! Питерсон был так ошеломлен, что на несколько мгновений застыл на месте, прежде чем поднять нижнее стекло, чтобы лучше разглядеть происходящее, так трудно ему было поверить собственным глазам. Но этот кошмар был реален. Пока он смотрел на происходящее, смертоносные удары обезумевшего снеговика обрушили Фреда на снег. Бедняга едва мог позвать на помощь. Понимая, что он уже и так потратил зря слишком много времени, здоровяк-фермер, наконец, начал действовать. Кратчайшим путем можно было выбраться через окно и оградку, но из-за шипов на ней это было рискованно, и он потратил бы больше времени, пролезая там, чем выбежав через дверь. Так он сообщил полиции, принявшей его объяснения. К тому времени, когда Питерсон добрался до бедного Фреда, тот уже лежал в луже крови у «ног» своего странного врага мертвый. Такой же застывший и неподвижный, как и прежде, отвратительный снеговик вновь казался совершенно безобидным. Как раз в этот момент в окне Фреда наверху показался Джерри. Он с тревогой в голове потребовал у молодого фермера ответа:

— Что, черт возьми, происходит?

— На Фреда напал... снеговик. Он мертв.

— Мертв?

— Да, убит этой чудовищной штукой. Я собственными глазами все видел!

— Но это невозможно!

— Идите посмотрите сами! — возмущенно прокричал Питерсон.

— Иду. Не двигайтесь. Нет, лучше вызовите полицию! — И он указал напуганному Питерсону, куда бежать в ближайший полицейский участок.

— Бэзил Вэнс заявил, — продолжал незнакомец, — что его потревожили крики, он услышал весь этот разговор через окно столовой и увидел, как Питерсон быстро отошел от тела, направившись за полицией. Бэзил вышел из комнаты и уже подошел к входной двери, когда в коридоре к нему присоединился спустившийся Джерри. Затем появились Мод и миссис Грейвс, а вскоре и Джессика. Бэзил не утратил спокойствия. Профессия приучила его к подобным ситуациям, тем более что он уже несколько раз помогал судебному эксперту. «Оставайтесь на месте, — приказал он друзьям. — Ничего не трогайте. Я пойду взгляну».

Стараясь не потревожить никакие следы на снегу, он подошел к телу, быстро осмотрел его и встал, печально покачав головой... То, что он взял на себя ответственность, было хорошо, поскольку, как мы вскоре увидим, вопрос о следах оказался решающим. Полиция прибыла без десяти одиннадцать. Питерсон не медлил. Его поздравили с этим, но сам он казался рассерженным из-за того, что потратил, чтобы отыскать полицию, слишком много времени. И, что еще хуже, его истории не поверили, а расследование только усилило скепсис полицейских.

Время совершения преступления и причина смерти Фреда не подлежали сомнению. Бедняга был убит там же, где и найден, несколькими ударами острого лезвия, очевидно, окровавленным штыком, найденным в сгибе руки снеговика. Снег перестал идти ранним вечером, так что следы, найденные рядом с жертвой, были совершенно ясными и полностью соответствовали показаниям Питерсона. Рассматриваемый участок простирался от входной двери Грейвсов до тупичка и имел примерно двадцать пять ярдов в длину и шесть в ширину¹. Остальная часть улицы, ведущая к главной дороге, была так истоптана, что никаких четких следов отыскать не удалось. На интересующем нас участке было всего две цепочки следов, исключая доктора Вэнса. Следы Фреда начинались с

---

¹ Ярд равен примерно 91 см.

истоптанного участка и доходили до снеговика. А другая цепочка, ведшая туда и обратно, была, очевидно, оставлена Питерсоном. Два специалиста из Скотленд-Ярда внимательно изучили обе цепочки и заключили, что в них нет ничего необычного и они, без сомнения, принадлежат жертве и главному свидетелю. Более того, на снегу вокруг не было найдено никаких следов. Нетронутый снег покрывал и высокую стену вдоль улицы, и стену пониже в тупике. Никто этим путем уйти не мог. Не было ничего подозрительного ни на подоконниках, ни в опорах оградки, каждая из которых была покрыта снежной шапочкой. Проще говоря, до жертвы могли добраться только двое: Бэзил и молодой фермер. И, согласно показаниям доктора, к тому времени, когда он подошел к Фреду, тот был уже мертв. Видите проблему?

— Вполне, — с легкой улыбкой отвечал Ирвинг Фаррелл.

— Место преступления находится перед вами. Нетрудно заметить, что в этих условиях никто не мог бы пройти сквозь стены или исполнить какие-нибудь акробатические трюки через окна. Наличие повсюду снега и отсутствие следов опровергает любую подобную теорию. И не забывайте свидетельство Ральфа, до самого конца настаивавшего на том, что Фреда на его глазах убил снеговик. Он настаивал на этом, каким бы невероятным это ни казалось, рискуя собственной жизнью. Но полиция отказалась ему верить, и это было вполне понятно. Чтобы принять его рассказ, надо поверить в призраков, надо поверить, что Хью восстал из могилы, чтобы отомстить брату, убившему его из-за жены, поверить, что он несколько месяцев провел призраком в семейном доме, прежде чем, наконец, столь зрелищным образом лишить своего соперника жизни.

Фаррелл задумчиво кивнул и спросил:

— А вы, сэр, сами верите в призраков?

Незнакомца, по-видимому, обескуражил этот вопрос, и от ответа он уклонился.

— Я уверен, что, несмотря на факты, Ральф был невиновен. Будь он виновен, он никогда бы не придумал такую невероятную историю!

— Совершенно верно. И каковы были бы его мотивы? Избавиться от Фреда как соперника в борьбе за прекрасную Мод?

— Он утверждал, что даже не знал об их романе. Но и в это никто не поверил. В тот вечер любой мог рассказать ему об этом. Полиция решила, что это, конечно, и послужило мотивом. Или в качестве альтернативы Ральф мог быть дружен с Хью и искать мести. В таком случае вид снеговика — и того, что тот олицетворял — мог взбудоражить его воображение и побудить сочинить столь удивительные показания, если только он не потерял на время рассудок, убив своего товарища по оружию. Но теория о безумии была отвергнута... и невиновного повесили.

— А виновный, следовательно, до сих пор на свободе.

Незнакомец кивнул и спросил:

— Итак, мой дорогой сэр, вы все еще утверждаете, что всему есть объяснение?

— Конечно, но мне нужна дополнительная информация, особенно о полицейском расследовании, все-таки, несмотря ни на что, рассматривавшем возможность вины другого человека.

— Именно так. Особенно ненависть у кого-то из членов семьи, побудив к мести, могло вызвать замечание Ральфа о возмутительном убийстве Фредом родного брата — вдобавок к уже гулявшим слухам. Позволю себе зайти так далеко, что скажу: эта теория подтверждается и жестокостью убийства Фреда псевдоснеговиком — к тому же именуемым «Хью». Прежде чем переходить к показаниям других подозреваемых, рассмотрим утверждения Ральфа, чтобы понять, как трудно поверить в какой-либо заговор против него, особенно с учетом скорости, с которой разворачивались события. Он сказал, что, когда его провели в гостиную, его внимание привлекла небольшая картина, портрет юной девушки, напоминавшей, по его словам, Мод. Прямо под ним на низком столике стояли индийская статуэтка и музыкальная шкатулка.

— Кто это? — спросил он Джерри, садясь в одно из кресел, закрытое от пыли чехлом.

— Послушай, — произнес Джерри, открывая шкатулку, начавшую играть что-то детское.

— Очень мило, — сказал Ральф, — но я имел в виду статую.

— Насколько я знаю, это Кали, богиня мести. Сувенир из Индии, кажется, его капитан Вэнс привез. Но спросите лучше его сами. Ладно, я пойду отыщу старину Фреда.

— И с этими словами, — продолжал незнакомец, — Джерри вышел из комнаты, оставив Питерсона слушать нежную музыку. Всего через две-три минуты, не больше, гость услышал на улице шум. Еще минута прошла, пока он не вышел наружу и не наткнулся на тело. Собственно говоря, все

им сказанное полностью подтвердил Джерри. К несчастью для него, брат Мод не мог видеть само убийство. По словам Джерри, к тому времени, когда он достиг второго этажа и услышал крики, Питерсон уже склонился на улице над телом. По мнению полиции, Питерсон вполне мог заколоть Фреда, прежде чем закричать. Собственно говоря, это единственная теория, объясняющая преступление.

— Но что Фред в тот момент делал снаружи?

— На это мог бы ответить только он сам. Никто другой не мог описать, чем он занимался в последние полчаса перед смертью. Бэзил был недалеко, но видел не больше, чем Джерри. Он услышал, как Питерсон бежит по коридору, затем увидел, как тот проходит мимо окна. Прошло несколько секунд, прежде чем он услышал, как Питерсон зовет Джерри, после чего он выглянул в окно и увидел, как Ральф склонился над телом, лежащим перед снеговиком. К тому времени как он вышел, чтобы осмотреть его, тело Фреда было еще теплым, и, согласно Бэзилу, Фред только что испустил последний вздох. Но это, увы, не помогло Ральфу. Отец Бэзила, капитан Вэнс, вернулся только после прихода полиции. Он искал предохранители дольше, чем ожидал. И, отсутствуя во время драмы, помочь следствию не мог. Главной свидетельницей могла бы стать Мод, но ее, поглощенную библиотечными изысканиями, принудил выглянуть в окно только поднявшийся в доме шум. Она припомнила, что слышала игру музыкальной шкатулки, спешные шаги Питерсона по коридору, а затем крики снаружи. Выйдя из комнаты, она столкнулась в коридоре лицом к лицу со свекровью. Миссис Грейвс в кухне только что допила кофе. Общий беспорядок ее встревожил, но она, кроме шагов в коридоре, ничего не заметила. Комната Джессики наверху выходила не на улицу, так что она увидеть ничего не могла. Смутно расслышав какой-то шум и не осознавая серьезности ситуации, она покинула комнату из чистого любопытства. К тому времени как девушка добралась до холла и увидела, что дверь открыта, все остальные уже столпились на пороге. Думаю, это все, что можно сказать о произошедшем.

— Хм-м-м, — задумчиво ответил Ирвинг Фаррелл. — В данных обстоятельствах трудно поверить, что может быть виновен кто-то, помимо главного подозреваемого. Можно представить, что кто-то в доме переоделся снеговиком, чтобы все это совершить, но как он, черт возьми, мог это сделать? Это физически невозможно сразу по двум причинам: гипотетический убийца не только не мог приблизиться к жертве, но и не имел на это времени. Сложная проблема, соглашусь. Может быть, самоубийство? Однако это, учитывая характер жертвы, кажется маловероятным. Полагаю, эту возможность изучили?

— Конечно, но категорически отвергли в силу особенностей ран... Но я забыл одну маленькую деталь. Индийскую статуэтку в гостиной нашли на полу вдребезги разбитой. Ральф, когда его об этом спросили, вспомнил, что опрокинул ее, бросившись вон из комнаты на помощь другу. Он подтвердил, что она была целой, когда он слушал музыкальную шкатулку. Странно, что, когда все ее фрагменты собрали, то оказалось, что один, размером с ореховую скорлупу, пропал. Несмотря на тщательные поиски, его так и не нашли.

— Любопытно. А не мог он просто закатиться в коридор?

— Нет, его нигде не было. Весь дом обыскали частым гребнем.

— Но это нереально!

— А что вообще во всем этом деле реального? Начиная со снеговика, превращающегося в жаждущего мести солдата, как только его облачили в шлем и куртку покойника!

Старик Фаррелл поднял руку.

— Погодите. Дайте мне немного все обдумать. Исчезновение этого фрагмента статуи представляется мне решающим.

— Почему же?

— Потому что оно необъяснимо. В девяти случаях из десяти именно такой мнимо несущественный ключ и раскрывает тайну. Подождите, позвольте мне рассмотреть все показания и попытаться отделить факты от гипотез. Я заметил, что все они согласуются, что необычно, за исключением одного: времени, которое потребовалось полиции, чтобы появиться на месте после того, как за ней отправили Питерсона. По его словам, это заняло немало времени, а остальные говорили обратное.

В глазах незнакомца показался веселый блеск.

— В ту ночь он, похоже, потерял представление обо всем, даже о голове у него на плечах! С какой стати иначе он ухватился за столь невероятную историю? Лучше бы он упирал на то, что, как ему казалось, он прибыл в дом Грейвсов без пяти минут десять, а не в четверть одиннадцатого!

— Что? Почему вы этого мне не сказали?

— Ну, теперь сказал.

— Вы в этом уверены?

— Конечно, потому что...

И тот остановился, заметив ироническую усмешку Фаррелла.

— Вы — один из героев этой истории, верно?

— Быть или не быть, вот в чем вопрос.

— Не стесняйтесь, мистер... мистер... Давайте прикинем. Судя по возрасту, вы должны быть доктором Бэзиллом или братом Мод.

Незнакомец поднял каракулевый воротник и улыбнулся.

— Что из того? Это не приближает вас к решению головоломки.

— Расскажите мне, что случилось с каждым из них потом. Это даст мне время подумать.

— Как пожелаете. Начну с миссис Грейвс, которой с нами больше нет. Она умерла от пневмонии четыре года назад. Джессика вышла замуж за архитектора-француза, уехала жить туда и, кажется, вполне счастлива. Однажды написала мне, что ее муж увлекается тем, что мастерит кукольные домики. Джерри так и не смог найти работу из-за сильной мигрени. Он экономно живет на военную пенсию, которой в конце концов добился. Доктор Вэнс через год после трагедии женился на Мод. Счастье их было недолгим. Два года спустя Мод умерла при родах вместе с ребенком. Бэзил так и не смог этого пережить и до сих пор живет со стариком-отцом.

— Думаю, что вы знаете истину, сэр, — торжественно проговорил Ирвинг Фаррелл.

— О? Что заставляет вас так думать?

— Вы дали мне всю информацию, необходимую для решения головоломки. Вы ясно и исчерпывающе подытожили все. Отсутствие Уилсонов, сломанные предохранители, сломанная статуэтка, картина, музыкальная шкатулка, новые рубашка и ботинки Питерсона... ничто не упущено! Очевидно, вы знаете все. И теперь я знаю, кто вы.

— Это не так уж трудно. Шансы пятьдесят на пятьдесят!

— О, нет, уже нет. Вы брат Мод, Джерри Фолкнер.

Мужчина с улыбкой сфинкса спросил:

— Почему вы так уверены?

— Я исключил доктора Вэнса.

— Почему?

— Потому что он невиновен.

Последовало долгое молчание, а затем новый вопрос.

— Итак, вы поняли?

— Да. Но я предупреждал вас, верно? Понял даже про недостающий фрагмент статуэтки.

— Вы знаете, где он был? — вызывающе проговорил его спутник.

— Да, на полу гостиной. Уилсонов, а не Грейвсов.

Джерри Фолкнер изумленно посмотрел на Фаррелла.

— Святые угодники! Вы поистине чародей.

— Нет, сэр. Хотя при моих морщинах я могу походить на него. Но послушайте меня. Как я уже сказал, вы рассказали мне все, что нужно было знать, включая тот важный факт, что той ночью отсутствовали Уилсоны; Уилсоны, живущие в таком же доме, но на соседней улице. Как вы могли заметить, я обладаю уникальной квалификацией, чтобы засвидетельствовать, что все улицы и дома здесь выглядят одинаково! Именно там вы устроили свое маленькое представление, и я должен признать, что это было дьявольски умно. Представление, проходившее за двадцать минут до главного события, если можно его так назвать. Вы устроили так, чтобы Питерсон поехал туда, а не сюда, вероятно, указав ему неверное направление, подобно моему другу (который, полагаю, до сих пор меня дожидается). Но давайте начнем с мотива. Это Фред, ваш сообщник, придумал подшутить над Питерсоном, очень наивным человеком, чтобы отплатить тщеславному парню за столь возмутительный флирт с его невестой. Заставить его поверить в то, что он был свидетелем невероятного убийства, чтобы он пошел в полицию с совершенно немыслимой историей и выставил

себя полным дураком. Как ему было бы стыдно, если бы полицейские пришли в дом Грейвсов и не нашли ни жертвы, ни мстительного снеговика! Питерсона сочтут безумным, а тогда все, что он расскажет о нападении Фреда на Хью, будет заведомо отвергнуто. Таков был истинный мотив Фреда. Когда он попросил вас помочь ему, вы согласились, но подумали, что сами можете воспользоваться этим случаем, чтобы избавиться от него. Ведь он вам не нравился: вы находили его слишком высокомерным и слишком самоуверенным. Вы не собирались позволять вашей сестре выйти за убийцу. Возможно, вы думали, что приносите жертву на семейный алтарь Фолкнеров?

— И того типа я тоже не хотел видеть зятем, каким бы богатым он ни был!

— Возможно, богатым, но невиновным. И его смерть отягощала вашу совесть, не так ли?

Джерри Фолкнер слотнул и промолчал.

— Итак, без пяти минут десять, — продолжал Фаррелл, — Питерсон позвонил в дверь Уилсонов. Вероятно, они дружили с вашими родителями и оставили им ключ, чтобы те присматривали за помещением в их отсутствие. Вы открыли дверь и пригласили его войти в их дом, построенный и спланированный точно так же, как все соседние. Но, к сожалению, одинаковым не могло быть абсолютно все, включая декор и мебель в холле и коридоре, которые были, поэтому, погружены в полумрак — и теперь мы понимаем, для чего надо было подстроить в тот день отключение электричества в доме Грейвсов. Вы пригласили его в гостиную, вероятно, напоминая ту, что у Грейвсов; быть может, вы принесли чехлы от пыли? В любом случае, вы, конечно, принесли картину, похожую на портрет Мод, индийскую статуэтку и музыкальную шкатулку — предметы, которые он наверняка запомнит, — чтобы отвлечь его внимание от остальной части комнаты. Богиня мести, нежная музыка, создающая особую атмосферу... Умно продумано. Снаружи, там, где был воздвигнут еще один снеговик, украшенный картонными шлемом, плащом и штыком, Фред изображал нападение — несомненно, боролся с этим огромным снежным комом и притворился, что его ударили ножом, прежде чем упасть навзничь. Питерсон бросился ему на помощь, не решившись, как вы верно предвидели, перепрыгнуть через оградку, а Фред изображал умирающего. Вы появились в окне наверху и проговорили свои реплики. Все прошло по плану, и Питерсон побежал за полицией. Для вас с Фредом это стало гонкой наперегонки со временем. Вы несколькими точными пинками избавились от снеговика и уничтожили фальшивые шлем, накидку и штык. Вы собрали чехлы от пыли, картину, музыкальную шкатулку и статую, столь неудачно разбитую Ральфом. Вы подмели осколки, но не имели времени проверить, все ли они найдены, так что забыли один решающий фрагмент. Помчавшись домой, вы начали вторую часть шарады, куда более сложную. После того как в гостиной все вернулось на свои места, а по полу были рассыпаны осколки статуи, Фред позвонил в дверь. Это произошло в четверть одиннадцатого, так что на все у вас было двадцать минут. Впритык, но выполнимо. Вы поспешили открыть дверь и без труда обманули в полумраке свекровь. Фред был в накладных усах и круглых очках в серебряной оправе, как у Ральфа, чью довольно комичную личность нетрудно изобразить. Вы сделали вид, что проводите его в гостиную, но на самом деле отправили на улицу, велев нанести на штык немного крови или обернуть его красной материей. Вы быстро надели туфли, купленные накануне и идентичные туфлям Питерсона: это было нетрудно, поскольку он в тот вечер на танцах невинно сообщил вам размер и место покупки. Затем вы с шумом выбежали на улицу к Фреду, стоявшему около снеговика. Естественно, люди решили, что это шаги Питерсона. Вы хладнокровно несколько раз ударили убийцу Хью штыком, который затем вернули на место, — все это заняло не более нескольких секунд, — и притворились, что разговариваете, в это время сняв с трупа очки и фальшивые усы и надев их на себя. Свидетели предположили, что вы находитесь у окна наверху, хотя там, естественно, никого не было. Наигранный выговор Ральфа изобразить легко. Вы просто повторили, слово в слово, ваш с ним разговор двадцатью минутами ранее. Это было сделано очень искусно, поскольку, возникни у кого-то подозрения, их успокоили бы собственные показания Ральфа, искренне верившего, что все так и происходило. И, конечно, он был бы прав — за тем исключением, что все случилось на другой улице двадцатью минутами ранее. Увидев в окне силуэт доктора Вэнса, свидетельствующий, что его внимание привлечено, вы притворились, что спешите за полицией, ведь именно это сделал Питерсон. Но на самом деле вы проскользнули обратно в дом как раз вовремя, чтобы спрятаться на лестнице, прежде чем в холле показался Бэзил. Вы избавились от маскировки, вышли и присоединились к нему. И вновь он вел себя именно так, как вы и ожидали, профессионально запретив вам приближаться к телу. Все было готово. Когда Питерсон прибыл с полицией, знавшей, где живут Грейвсы, и не нуждавшейся в

указаниях Ральфа, он и понятия не имел, что вокруг него только что захлопнулась смертельная ловушка. Перед снеговиком лежало тело Фреда, а на снегу были ясно различимы его собственные следы и ведущие туда и обратно следы Питерсона. Естественно, отпечатки были оставлены вашей обувью, идентичной его туфлям. И здесь Питерсон вновь не увидел ничего необычного, поскольку сам оставил именно такие следы. Теперь можно понять, почему ему протекшее время показалось таким долгим, а остальным таким коротким. Он покинул ложное место преступления около десяти и вернулся с полицией без десяти минут одиннадцать, что заняло почти час. С другой стороны, семья Грейвсов думала, что он ушел в двадцать минут одиннадцатого, потратив только полчаса. Я с самого начала понял, что здесь проблема времени...

Джерри Фолкнер глубоко вздохнул.

— Что ж, сэр, снимаю перед вами шляпу. Ваши дедуктивные способности замечательны.

Фаррелл слабо улыбнулся.

— Думаю, вся заслуга принадлежит моему другу с его сложными указаниями. Благодаря ему я понял, что все улицы выглядят одинаково. Это была первая подсказка, а потом остальное постепенно встало на свои места.

Когда Джерри Фолкнер заговорил вновь, его голос был поло раскаяния:

— Прошу вас, поймите, сэр, что, когда это случилось, мне говорили, что дни мои сочтены, и раны не позволят мне прожить долго. Все специалисты, которых я видел, повторяли мне одно и то же. Считалось, что помочь мне нельзя, но время шло, а я был все еще здесь. Несколько раз я пытался довериться кому-то, чтобы облегчить свою вину, но так и не смог набраться храбрости, хотя и был бы рад помощи. Шли годы, мои головные боли усиливались. Смертный приговор Питерсону подействовал на меня тяжелее, чем я думал. Сейчас я редко сплю, а когда засыпаю, мои сны заполнены этим проклятым снеговиком в солдатской одежде, моим чудовищным поступком и повешением невинного человека. Теперь, когда кто-то знает правду, я знаю, что могу уйти с миром, ведь у меня осталось не так много времени.

В темноте Фаррелл едва ли мог различить лицо Фолкнера. После долгого молчания колокола церкви по соседству начали бить полночь. Их веселый звон странно отдавался в ночном холоде в конце этой заснеженной улицы, все еще погруженной в ужас событий прошлых лет.

— Оставьте меня, пожалуйста, — пробормотал Фолкнер, отворачиваясь.

Фаррелл кивнул, развернулся и медленно пошел по улице. Вновь обернувшись, он уже не видел Джерри Фолкнера. Быть может, тот лег в самом темном углу, у подножия мрачной стены. Было не так уж темно, и он должен был бы его видеть... Неважно. Его руки и ноги заоченели от холода, и он торопился вернуться.

На следующий день Ирвинг Фаррелл посреди комфорта своего гостиничного номера читал газеты. Его внимание привлекла одна заметка. В тупичке в Блумсбери было найдено тело неизвестного. Очевидно, это был брат Мод, но одна важная деталь не сходилась с фактами. Бросившись в Скотленд-Ярд, он отыскал инспектора, подтвердившего, что это действительно тело Джерри Фолкнера.

— Вы уверены во времени, инспектор? — спросил Фаррелл.

— Да, совершенно уверен. Когда скорая помощь увезла его, он умер только что, вероятно, от инсульта.

— Вы уверены, что это было не за полночь?

— Абсолютно. Есть отчеты констебля и водителя машины скорой помощи, не говоря о работнике морга. Все они вполне ясны. Было одиннадцать часов, вне всякого сомнения. Не понимаю вашего вопроса, сэр. Разве вы сами не сказали мне, что видели их как раз тогда?

Перевод Д.Шарова